
ПИОНЕР
НА ПОДАРКИ
24
1929 г.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Пятьдесят лет тому назад в семье рабочего сапожной фабрики родился будущий большевик и генеральный секретарь ЦК ВКП (б), тов. Иосиф Виссарионович Сталин.

С 14 лет он начинает принимать участие в революционном движении. Большой талант организатора, упорная работа над изучением теории революционной борьбы рабочих, умелое руководство боями с царизмом и буржуазией выдвигают его в ряды лучших учеников и соратников Ленина.

После смерти Ильича тов. Сталин становится вождем коммунистической партии и Коминтерна. Под его руководством партия дала сокрушительный отпор тем, кто, испугавшись трудностей, пытался свернуть партию с ленинского пути.

История жизни тов. Сталина неотделима от истории коммунистической партии. Она—увлекательный учебник классовой закалки для молодого поколения страны строящегося социализма.

От имени деткоров и читателей журнала „Пионер" редакция шлет боевой привет лучшему большевику-ленинцу тов. Сталину!

БЕСЕДЫ РЕДАКТОРА

Когда в Англии изобрели первый автомобиль (это было лет 40 назад), власти испугались, что машина при такой бешеной скорости (15 километров в час) обязательно передавит всех людей.

Поэтому был издан приказ — впереди каждого автомобиля должен итти человек с флагом и кричать: „Осторожнее! За мной едет автомобиль!"

Теперь же автомобили могут делать триста километров в час, и это никого особенно не удивляет.

История нашей Советской страны напоминает историю автомобиля. Рабочие совершили революцию, выбросили капиталистов и сами сели за руль. Дорога в кочках, ямах, рытвинах, грязи — по колеса. Но чем дальше, тем быстрее ход. Чем дальше— тем все более и более совершенствуется и делается быстроходней машина.

— Стой!— кричат нам капиталисты.—Вы всех нас передавите! Разве можно мчаться так быстро? Берите пример с нас — мы едем со скоростью 3 — 4% в год. Остановитесь, попросите нас, и мы вам поможем избежать катастрофы!

Но нам не нужно человека с флагом. Мы справимся с автомобилем без капиталистов. На первом году пятилетки наша скорость была 23%, в этом году — уже 32%. Чем дальше, тем лучше дорога к социализму. „Догнать и перегнать автомобили капиталистических государств"—написано на нашей машине.

„Пионер", выходя два раза в месяц, не мог поспевать за быстрым темпом нашего строительства, нашей жизни. „Пионер" в будущем году ускоряет свой ход — каждые десять дней он будет появляться на свет.

Наша промышленность реконструируется, т. е. старые станки заменяются лучшими, старые заводы заменяются новыми, старые способы производства заменяются более усовершенствованными.

Реконструируется и „Пионер". Он не только будет стоить вдвое дешевле, печататься в 2 краски на лучшей бумаге. Он становится ближе к жизни, он превращается в боевой общественно-литературный журнал. Он будет осведомлять своих читателей о всем новом в жизни Советского Союза и капиталистического мира—о нашем строительстве, о происках наших классовых врагов,—он будет помогать своим читателям организовываться для участия в великой строительной работе и находить в ней свое место; „Пионер" будет знакомить ребят со всеми спорными вопросами школы и пионерорганизации, рассказывать о всем новом в литературе, кино, театре.

С помощью „Пионера" каждый из вас, читателей, будет знать все, что необходимо знать каждому участнику строительства социализма.

Для управления автомобилем пролетарского государства нужны умелые, квалифицированные люди. На Всесоюзном слете пионеров делегаты слета обещали от имени всех ребят СССР их дать. „Пионер" поможет вам выполнить это обещание. Как стать слесарем, педагогом, доктором, как выбрать себе профессию,— вот о чем узнаете вы. „Фабрика на столе" и „Задачник изобретателя" вооружат вас многими десятками необходимых навыков, умений и смекалкой.

Фары (фонари) советского автомобиля далеко вперед освещают путь пятилетке. Вам, пассажирам автомобиля, „Пионер" не только будет рассказывать об этом пути и отдельных его участках, но и показывать, чем вы сможете помочь исправить путь, сделать быстрее наше движение вперед, как давать отпор врагам, вставляющим палки в колеса и вбивающим гвозди в шины.

Самое интересное в науке и технике, в новом строительстве, заново рождающемся сельском хозяйстве будет показываться всем читателям. Вместе с „Пионером" читатель будет следить за тем, как наши заграничные товарищи помогают родителям выбросить капиталистов из других автомобилей и, водрузив на них красный флаг, вместе с нами мчаться к общей цели.

Вот каков будет „Пионер" в 1930 году—во втором году пятилетки.

Одобряете ли вы план участия „Пионера" вместе с вами в великой стройке?

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ДЕКАБРЬ

№ 24

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

ПРОТИВ НЕПРЕРЫВКИ—ПОДПЕВАЛЫ КЛАССОВЫХ ВРАГОВ

У ПАПЫ ИМЕНИНЫ!

Очень возмутилась Ситковская, ученица 5-й группы 28-й школы Днепропетровска, когда наша школа перешла на непрерывку и объявили, что в воскресенье нужно будет ходить в школу.

— Как это так? В воскресенье? Что же папа скажет?

И у нее слово с делом не расходилось; в первое время Ситковская по воскресеньям школы не посещала. Как-то ее спросили: почему она в одно из воскресений не явилась в школу, „Папа был именинником“,— ответила она. Но это еще не все. Нет такого дня, чтобы „товарищ“ Ситковская не бросила еврейским товарищам: „жид“, „жидовна“ и т. д.

Был также и такой случай. Шел разговор об индустриализации нашей страны. Ситковская и тут не удержалась, чтобы не выкрикнуть: „Все равно будет война, это разрушит, и все придется перестраивать заново!“.

Л. Р.

„ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ТОВАРИЩ НЕПРЕРЫВКА“

Очерк СЕРГЕЯ

Воскресенья нет

Она пришла в пятнадцатую школу Сокольнического района.

Как ее встретили? Очень приветливо. Ее порядочно расхвалили на всех групповых собраниях и в знак того, что она признана навеки и безоговорочно, единодушно подняли вверх руки. Непрерывка стала распоряжаться в школе.

Прежде всего она переделала дни. Пропало ощущение воскресного дня.

— Какой сегодня день?—спросил ребят один педагог.

— Двадцать третье!

— Нет, двадцать четвертое!

— А я говорю двадц...

Так немного поспорили ребята. И только один, случайно взглянув на календарь, удивленно воскликнул:

— Да, ведь, сегодня воскресенье!

Это „воскресенье“ было произнесено им откуда-то издалека. Так завалялось где-то в памяти это постное словечко.

А попробовали бы вы на месяц раньше спросить у ребят: „Какой сегодня день?“ Будь это в воскресенье—они так и ответили бы: „Сегодня воскресенье,—что ты, не знаешь? Сегодня же праздник. Чудак человек!“

А сейчас, вы понимаете, этот праздник не ощущается. Это двадцать четвертое, первое, восьмое, пятнадцатое—день, который ничем не знаменит, ничем не выделяется и имеет свое календарное число.

Непрерывка приказала отдыхать на пятый день. Седьмой день, живший сотни лет, был вырван из школьного быта, как редька из огорода, в несколько минут.

В классе вывесили объявление: „Наша группа отдыхает в следующие дни: 3, 8, 13, 18, 23, 28... и т. д., каждый пятый день“.

Школа решила сразу устранить все помехи. А они могут быть с разных сторон, например, со стороны родителей.

Товарищи родители, вы с нами?

Один будет недоволен, другой не разберется толком, в чем дело, третий будет протестовать... В общем, надо товарищей родителей обо всем предупредить. На собрании все родители высказаться не могут. Надо сделать так, чтобы все были предупреждены и притом каждый индивидуально.

Тогда придумали послать родителям письма. Каждый школьник написал:

„Товарищи родители! Сообщаю вам, что наша школа ввела непрерывку. Воскресенья теперь для нас нет, не существует его. А есть у нас теперь непрерывная неделя, а дней в ней не семь, как это было раньше и как считаете это вы, а всего пять: четыре дня мы учимся, а пятый наш день отдыха. Это очень хорошо для нас, мы не будем уставать, как раньше, когда в последние дни недели появлялась такая усталость, что занимаешься кое-как. Теперь у нас будет настоящий отдых. Товарищ папа и товарищ мама, при непрерывке у нас школа получает много выгоды: помещение освобождается, а то нам даже повернуться негде.

Пишу вам письмо, чтобы вы высказали свое мнение и записали его здесь же, нравится ли вам непрерывка или не очень. Теперь мои дни отдыха приходятся на следующие числа: 15, 20, 25, 30 и будут каждый пятый день. Запомните их и не мешайте мне их проводить, как нужно.

С товарищеским приветом...“

Последняя просьба о соблюдении дней отдыха была очень кстати.

В первые дни школьники, особенно девочки, жаловались, что родители заставляют их работать в дни отдыха, считают их буднями. Но потом и родители признали их „выходными днями“.

Вернемся к письму. Только два ответа говорили, что „непрерывка—пустая затея“. Все остальные родители приветствовали ее и дали обещание своим детям считаться с их днями отдыха.

„Непрерывные“ подарки

Покончив с днями, перестроив их, непрерывка подарила школе три лишних группы. Ежегодно за бортом школы оставалось много ребят, школьное помещение, хотя и не резиновое, а все-таки предельно растягивалось. Вмещает оно триста ребят, нужно пятьсот уместить. И все-таки всех желающих не могла школа принять. А вот непрерывка приняла. Ежедневно отдыхает одна пятая часть всех школьников. Ежедневно освобождается одна пятая часть школьного помещения. Вот и открыла школа новые добавочные группы—седьмую и первую.

	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг
Октябрь		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ноябрь					1	2	3	4	5	6	7
Декабрь							1	2	3	4	5
Январь			1	2	3	4	5	6	7	8	9
Февраль						1	2	3		5	6

ЦВЕТНЫЕ

На улице я услышал разговор:

— У тебя какой день?

— Синий. А у тебя?

— Желтый.

— Это какой? На 2 и на 7?

— Нет. На 1 и на 6.

Странные дни пошли; синие, желтые... Странные и люди: люди желтых, люди синих дней.

По цветам и по цифрам людей различают на спортивных соревнованиях. Но цветных дней и такого непонятного сочетания цифр еще не бывало.

Видите, сколько новых ребят приняла школа. А кроме этих групп непрерывка подарила еще нулевую группу.

Непрерывка открыла также кабинеты. Была комната, похожая на универмаг. Все приборы в ней были свалены: сейчас тут—кабинет обществоведения, через час—географии, еще через час демонстрируют химические законы, утром орудует физика, а вечером заседает пионерский форпост.

А вот сейчас при непрерывке новые три кабинета обогатили школу. Отряд перестал бродить по комнатам. Два раза в неделю бывает свободна одна комната. В эти дни и пользуется ею отряд.

Вот как непревывка помогла школе!

Чем хороша непрерывка?

Пришла она и в московскую школу им. Нансена. А с ней пришли и родители; раньше не ходили они в школу—некогда было. Сейчас родители сами на непрерывке, и многие из них приходят в выходной день в школу.

Дежурят в клубной комнате, проводят игры, работают в читальне, в столовой. Только непрерывка смогла так привлечь родителей в школу. А сейчас при районе даже курсы открылись для родителей, подготавливающие и к внешкольной работе.

Непрерывка освободила и физкультурный зал. Нехватало помещения, и в этом зале ухитрялись одновременно две группы заниматься. Сейчас же три комнаты освободились, и сделали их клубными и столовой.

В 24-й школе БОНО непрерывка еще не введена, там ребята бунтуют:

— Даешь непрерывку!—требуют они.—Да как можно скорее! Чего дожидаемся?

Да как же не бунтовать, не волноваться, не требовать:

Когда отрядную и внешкольную работу можно будет начинать не с 7 часов 15 минут, а с 4 часов.

Когда освобождаются 4 комнаты; две можно отвести для занятий с отстающими. (В Благуше дома карлики, повернуться негде, не то что заниматься). В одной комнате можно столовую оборудовать, наконец, техническую и художественную станции.

Когда полностью уничтожается вторая смена.

Когда..

Как хорошо пригласить ее во все наши школы.

НАША «НЕПРЕРЫВКА»

После долгого перерыва 1-е звено 30-го отряда Гомеля начало опять заниматься по эсперанто. Однажды мы послали письмо заграничным пионерам и получили от них письмо тоже на эсперанто. Теперь НАШЕ ЗВЕНО ПЕРЕХОДИТ НА ПЯТИДНЕВКУ. ПЯТЫЙ И ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ МЫ БУДЕМ ИЗУЧАТЬ ЭСПЕРАНТО, А ПЯТНАДЦАТЫЙ ПРОВОДИТЬ ОТРЯДНУЮ РАБОТУ. Мы надеемся вскоре научиться разговаривать и письменно составлять фразы.

С. МАНЕВИЧ

Отрядная „Непрерывная"

очерк М. СОЛОВЕЙЧИКА

ЕЩЕ НЕ ТАК ДАВНО...

Никому неудивительно, что мы подчинили себе природу, заставили служить себе гиганты-заводы, используем солнечную энергию, победили моря и океаны, завоевали все, что находится на земле и под землей...

Но все разводили руками, смеялись и издевались над теми, кто 2-3 года тому назад говорил:

— Мы победили время. Мы стали хозяевами своего времени.

А что происходит теперь?

Теперь мы являемся свидетелями, как не только взрослые, но и пионеры, и школьники подчинили себе время.

КАК ОТРЯД ПОБОРОЛ ВРЕМЯ

Теперь вам, конечно, покажутся странными такие разговоры. Вы видите, читаете, слышите и уже знаете, что каждый день то одна фабрика, то другая, то одно учреждение, то другое переходят на непрерывку.

И ничего удивительного в этом нет. Все идет, как полагается. Даже школа, и та переходит на непрерывку. Но вот перешла и школа.

— Как же будет со звеньевыми сборами?

— Что будет делать отряд?

— А где мы возьмем время на совет отряда, работу кружков?

С такими вопросами обступают вожатого пионеры. И у них на лице вопрос, в глазах недоверие, на губах плаксивая, обидная за отряд улыбка.

— Работали мы тихо и мирно, хватало дней и вдруг... все говорят, что дней прибавилось, а на отряд их нехватает.

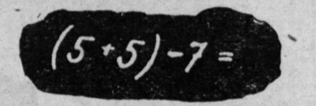
Вожатый смеется, начинает с вами шутить. Вы недовольны.

— Да что мы маленькие, что ты смеешься?

— Да он сам ничего не знает!

— А он и рад, что так получилось!

Начинают подтрунивать ребята. Но вожатый спокойно, с чувством, с расстановкой берет мел, подходит к доске, молча пишет и смотрит на ребят.

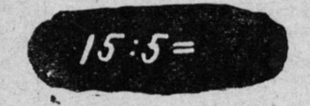

Ребята ничего не понимают. Но все заинтересованы.

— Три!—кричат они.—Три!..

Вожатый молча пишет „3".

Теперь ниже он начинает писать:

Если вначале ребята заинтересовались первым вычислением, то второе они уже отказываются вычислить. Это им кажется просто обидным.

— Да что мы приготовишки, что ли?

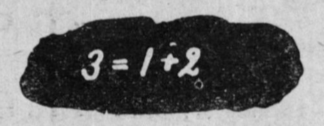
— Мы не в первой группе!..

Начинают громко волноваться ребята.

А вожатый молчит и только посмеивается, ждет ответа.

— Три... три,—уже смеясь кричат ребята.

Но когда вожатый написал:

то пионеры закричали:

— Ты не Колумб..

— Это не Америка...

— Ребята, пошли домой, он издевается над нами,— и некоторые уже хотели выходить, расстроенные и недовольные.

КАК ВОЖАТЫЙ ОТКРЫЛ АМЕРИКУ

— Вы говорите, не Америка? А вот, по-моему Америка,—заговорил вожатый.

В классе стало тихо. Все удивились и не знали, что сказать. Если вначале они думали, что вожатый шутит или смеется, то увидя его серьезным, они растерялись и не нашлись, что ответить.

А вожатый спокойно разъяснял.

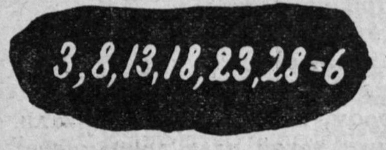
— Наша школа переходит на непрерывную неделю.

— Так!—хором закричали ребята, опомнившись.

— В непрерывной неделе будет 5 дней, 4 дня работаем, учимся, а на пятый отдыхаем.

— 5 дней, ясно,—ответили ребята, хотя их вожатый и не спрашивал.

— Следовательно, в неделе у нас будет 5 дней. Сбор звена будет один раз в неделю, предположим. (Здесь вожатый опять взял мел и написал).

Значит, каждый месяц у нас будет 6 сборов при пятидневной неделе, т. е. мы выиграли 2 звеньевых сбора в месяц.

— А что значит (5+5)—7,—спросили ребята.

— А это вот что. Сбор отряда у нас будет один раз в две пятидневных недели, т. е. один раз в 10 дней, а если мы отнимем семь, то получится, что мы в нашей декаде (10 дней) имеем свободными 3 дня, а в месяц у нас будет свободных больше на 9 дней, хотя звеньевые сборы у нас и участились.

Видите, какая простая арифметика. Предположим, что отрядные сборы в каждом месяце будут каждого 5, 15 и 25, итого 3 сбора.

— Ну ладно, это понятно,—начали сдаваться ребята,—но ты написал 3=2+1 и сказал, что открыл Америку,—с последней надеждой, думая, что поймали вожатого на месте преступления, заявили ребята.

Вожатый лукаво улыбнулся и начал „раскрывать" свою Америку.

— У нас в школе 15 классов. Так?

— Да.

— Если мы переходим на непрерывку, т. е. на пятидневку, то у нас освобождаются каждый день три класса.

— Как же это так?—спросили ребята.

— А очень просто,—и вожатый начертил следующий график:

Название класса \ Название дня	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница
1 А	Вых.				
1 Б		Вых.			
1 В			Вых.		
2 А				Вых.	
2 Б					Вых.
2 В	Вых.				
3 А		Вых.			
3 Б			Вых.		
3 В				Вых.	
4 А					Вых.
4 Б	Вых.				
4 В		Вых.			
Нулевой класс			Вых.		
Азбучный				Вых.	
Азбучный					Вых.

— Теперь ясно?—спросил вожатый.

— Ясно...

— А почему 3=2+1, я вам сейчас расскажу. Мы договорились с заведующим школой, что раз освобождаются три класса, то одну комнату он дает для устройства общешкольной и пионерской клубной комнаты, а две под мастерские, итого получается три комнаты.

— Вот это замечательно!

— Это хорошо!

— И как это мы не догадались давно так сделать!—хором, вперебивку, закричали ребята.

— Значит, такой план принимаете?

— Да... Принимаем... принимаем...

МЫ ХОЗЯЕВА СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Если теперь кто-нибудь будет смеяться и разводить руками, то вы ответите:

— Да мы теперь и время подчинили себе. Мы заставили время работать на себя. Мы стали хозяевами своего времени.

НА КОНЬКАХ

Для того, чтобы правильно кататься на коньках, нужно научиться использовать тяжесть своего тела.

Плохой конькобежец этого не делает. Плохой конькобежец только отталкивается ото льда. Поэтому он ездит медленно и быстро устает. Ноги у него прямые, как палки, и он боится даже их сгибать.

Бояться не надо. Нога, на которую перенесена тяжесть корпуса, должна быть согнутой. Свободная нога находится несколько сзади, носок вытянут.

Когда нужно менять ногу, то согнутое колено занятой ноги выпрямляется, свободная нога переносится вперед и опускается на лед, рядом с занятой ногой. После этого занятая нога отрывается ото льда, и тяжесть корпуса переносится на другую ногу. Но этого мало. Надо не только перенести тяжесть, но и корпус надо наклонить в ту сторону, куда едет нога.

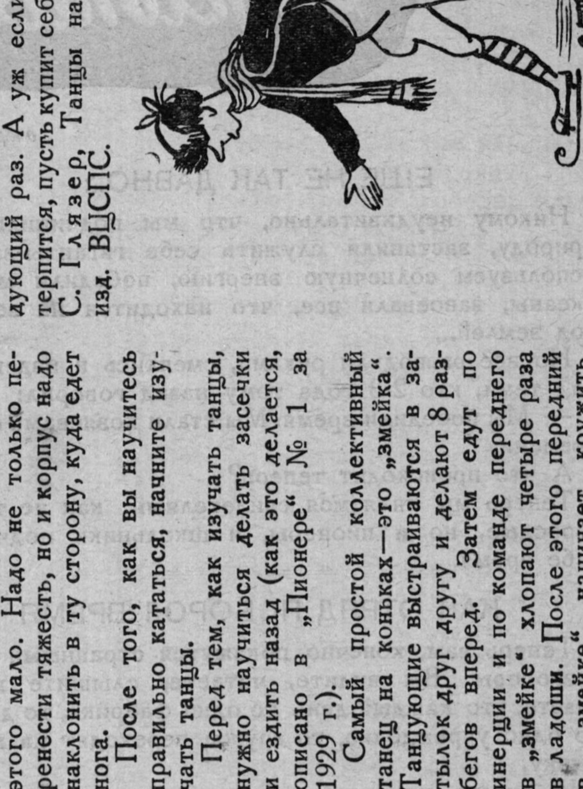
После того, как вы научитесь правильно кататься, начните изучать танцы.

Перед тем, как изучать танцы, нужно научиться делать засечки и ездить назад (как это делается, описано в „Пионере" № 1 за 1929 г.).

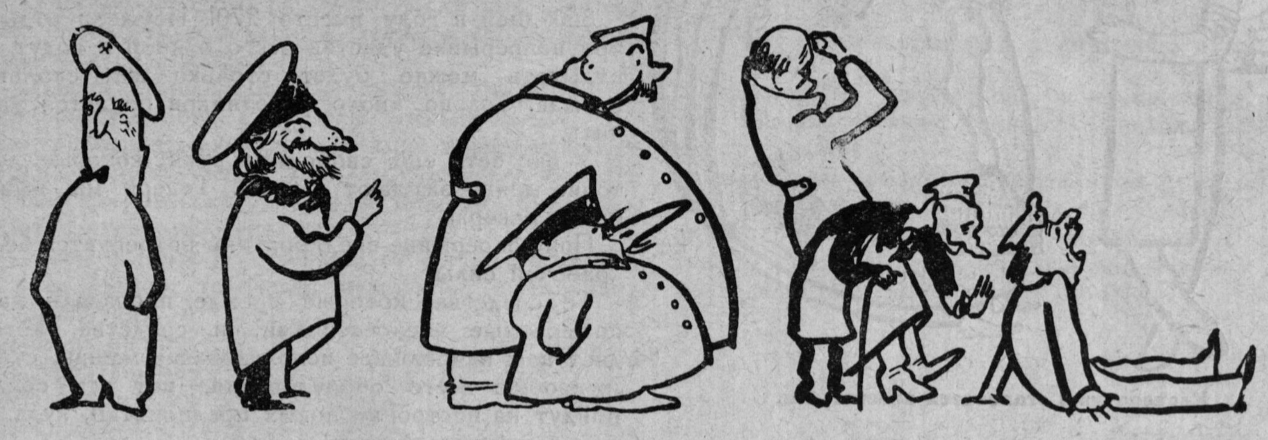
Самый простой коллективный танец на коньках—это „змейка". Танцующие выстраиваются в затылок друг другу и делают 8 разбегов вперед. Затем едут по инерции и по команде переднего в „змейке" хлопают четыре раза в ладоши. После этого передний в „змейке" начинает кружить. „Змейка" вьется.

Это—самый простой танец. О более сложных напишем в следующий раз. А уж если кому не терпится, пусть купит себе книжку: С. Глязер, Танцы на коньках, изд. ВЦСПС.

О консервах и консерваторах

Очерк Л. ВОРОНКОВОЙ
Рисунки А. КАНЕВСКОГО

Мы все знаем, что такое консервы. Это продукты, герметически закупоренные в жестяных банках, в которые никоим образом не может проникнуть воздух.

Консерваторы тоже очень похожи на консервы—недаром оба слова имеют один и тот же корень: сохранять. Консерваторы так закупорились в стенки старых обычаев, что всякий раз возмущаются и протестуют, если их коснется свежий воздух вводимых новшеств.

И вот эти-то ходячие консервы—старые спецы-инженеры, робкие, тяжелые на подъем хозяйственники—вдруг насторожились и приготовились сопротивляться: сильно подул свежий ветер—запахло непрерывкой.

— Не надо непрерывки!—завопили они на все голоса.—Ничего не выйдет!

Старые инженеры занервничали:

— Раньше времени износятся станки. И каким образом будет производиться ремонт, если работа не будет приостанавливаться? И где возьмем столько квалифицированной силы?

— А сколько надо денег, чтобы оплатить лишние расходы,—завторили им хозяйственники,—и можно ли так скоро все перевернуть на новый лад?

Очень испугался быстрых темпов резиновый завод „Красный Треугольник“.

— Мы перейдем на непрерывку только к концу пятилетки, мы никак не можем сразу! Ведь, вот одни автоклавы, чтобы их ремонтировать, требуют целых 24 часа для охлаждения!

Автоклавы—это большие котлы, в которых варится резина.

Комиссия по проведению непрерывки стала было втупик. А потом догадались: а если взять и охладить такой автоклав сразу—налить туда холодной воды? Так и сделали. Опыт удался блестяще... и „Красный Треугольник“ не смог больше привести значительных доводов для того, чтобы как-нибудь оттянуть непрерывку.

И еще грустнее прежнего завздыхали попы в своих заплесневевших алтарях:

— Не будет воскресений, а как же быть с обеднями и всенощными? Пожалуй, и кадила зажигать не придется...

Д о л о й т о р м о з а, которые мешают нам двигаться по необъезженным еще рельсам непрерывки! Хотя совершенно необъезженными эти рельсы назвать нельзя. Колеса некоторых предприятий уже давно катятся по этим рельсам, только мы как-то не привыкли этого замечать. Вот, например, наши трамваи не знают отдыха и, невзирая на воскресенья, разъезжают по улицам, поблескивая красными боками.

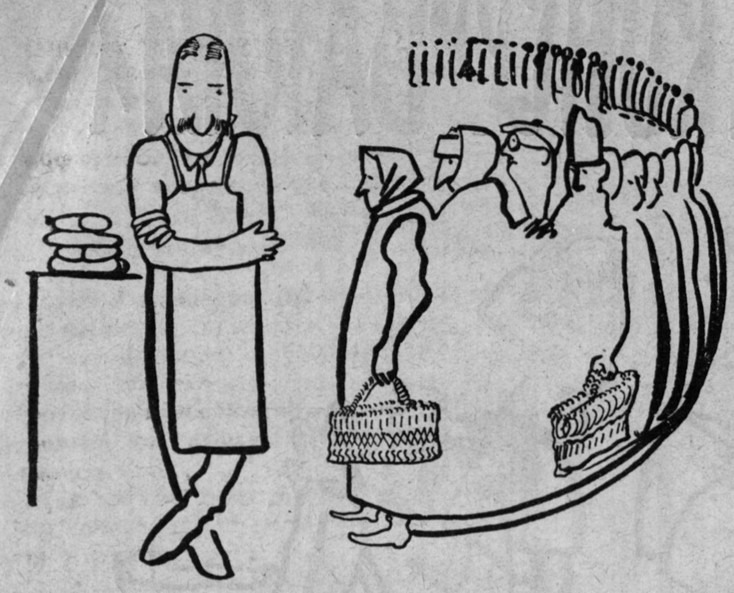
Не остывают по воскресеньям горячие груди паровозов, и вереницы вагонов неизменно, не заглядывая в календарь и не справляясь—черная или красная там стоит цифра, отправляются в обычный маршрут. Не угасают доменные печи, в которых плавят чугун, потому что слишком много надо энергии потратить, чтобы раскалить в понедельник остывшую за воскресенье печь. Есть еще химические заводы, с начала своего существования не знающие воскресений.

Значит, непрерывка не безнадежное дело. Если она прижилась на одних предприятиях, то почему бы ей не прижиться и на других, на всех?

О рыбаке и хвостатых кооперативах

Есть такая поговорка о том, что некий чудак-рыбак стоял у воды и просил пить. Вот и мы напоминаем этого, не совсем сообразительного рыбака.

У нас в Союзе чувствуется товарный голод. Не успеваем ткать мануфактуру. Не успеваем делать машины. Не успеваем вырабатывать продукты широкого потребления, кооперативы становятся хвостатыми, потому что им нехватает сил обслуживать своих покупателей. Мы не успеваем... и в то же время массу времени, которое дороже денег, бросаем на ветер: все наши фабрики, заводы и учреждения торжественно прекращают работу и застывают в не-

Кооперативы становятся хвостатыми.

возмутимом бездействии, когда стране дозарезу нужны товары.

Из-за этих отдыхов мы теряли 25% продукции и делали много непроизводительных затрат. Ведь, помещения производств надо охранять и отапливать так же, как и в рабочие дни. Паросиловые машины, хотя и не полностью, а все-таки надо держать под паром.

Много средств теряют производства с горячей аппаратурой, как вот, например, стекольный завод. На стекольном заводе есть большие стеклоплавильные печи. Так вот, чтобы поддержать нужный жар этих печей, тратится почти столько же топлива, как и во время работы. Из-за этого пропадают миллионы рублей.

Непрерывка и тракторы

Есть такой закон—этот закон издала сама жизнь: чем больше товара, тем он дешевле. Если наши производства вместо 270 будут работать 360 дней в году (5 дней мы оставим для революционных праздников), ясно, что продуктов будет больше и, значит, они будут дешевле.

Будет много ситцу, мы пошлем его крестьянину, и крестьянин охотнее даст хлеба; будет много машин, мы направим колонны тракторов на крестьянские поля, которые уничтожат межи отдельных полос; пустим жнейки, которые, хрустя соломой, живо сожнут рожь; завертим молотилки, которые чисто обмолотят снопы. Одиночка-плуг заржавеет под навесом вместе со старыми обычаями обработки земли, и горбатый серп затупится, валяясь где-нибудь на чердаке.

Заплакали пропахшие нафталином старухи, заплакали прогульщики...

Новый быт сядет за мотор трактора и, проехавшись по крестьянским полям, поведет хозяйство к коллективизации и укрепит смычку города и деревни.

360 или 270?

360 дней в году вместо 270! Неужели отдыхать при непрерывке удастся всего 6 дней в году? Нет, отдыхать можно будет столько же, сколько и прежде. Только число работников придется увеличить.

У нас есть еще свободные руки, которые достаточно долго ожидают работы. Теперь мы вызовем их из резерва.

При непрерывке предприятиям потребуется больше рабочей силы.

Те средства, которые прежде пропадали даром, пожираемые воскресеньями, и средства, которые дает нам наибольшее использование машин, станков и вообще всего оборудования,—вот эти средства пойдут на постройку новых предприятий, куда тоже будут нужны рабочие.

Как умирают машины

Машины—как люди: живут, работают, изнашиваются. Износившаяся машина перестает работать, ее бросают на слом. Она умерла. Ее место занимает другая машина—молодая, крепкая и сильная.

А иногда машины умирают иначе. Умирают, как говорится, морально. Машина еще не износилась, она работает, и бросить на слом ее нельзя. Но она становится устарелой.

Ведь, техника—это штука неугомонная. Она не дремлет, не спит, не успокаивается. Беспрестанно носится с опытами, изобретает, выдумывает, совершенствует. Всеми способами она старается заставить работать машину с наибольшей продуктивностью и с каждым днем делает все лучшие и лучшие машины.

И вот, когда эти усовершенствованные машины, дающие более дешевую и лучшую продукцию, поступают на завод, держать старую машину уже не выгодно. И ее снимают с работы, не использовав всей той энергии, которую она могла бы дать.

Близоруким людям, кричащим о том, что непрерывка преждевременно изнашивает машины,—этим людям необходимо надеть очки и поближе вглядеться в это дело.

Ведь, если станок быстрее износится, то он и сработает больше и значит вполне окупит себя. В то же время мы избежим тяжелых случаев моральной смерти машины и возьмем от нее все, что можно взять,—как в Америке.

Непрерывка ищет, зовет, требует

Кого? Спецов, квалифицированных рабочих. У нас их мало—этих хозяев машины, знающих каждый винтик станка, изучивших каждый поворот колеса.

У нас их мало. Но выход есть: возьмем и подучим неквалифицированного рабочего. Если наш рабочий сумел завоевать революцию, неужели он не сумеет справиться со станком?

Выдвинем старых опытных рабочих на более ответственную работу. Расширим фабзавучи—эти машины, перерабатывающие молодняк в квалифицированных рабочих. Эта молодежь сумеет подойти к станку по-хозяйски, и станок покорно будет повиноваться умелой руке.

Возьмем лопаты и откопаем из сугробов бумажных дел спецов, техников, инженеров, застрявших в учреждениях, и пошлем их на производство. Непрерывка требует их знаний для практической работы—пусть отдадут.

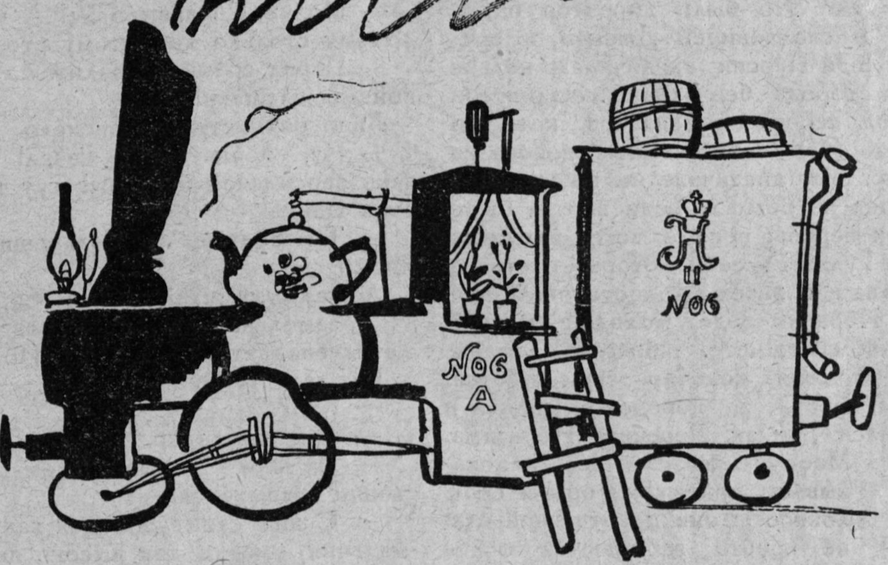
Обманет ли нас непрерывка?

Непрерывка уже шагает по всему Союзу, захватывает заводы, предприятия, шахты.

И уже имеются кое-какие результаты, показывающие, что непрерывка нас не обманет.

Продукция на заводах, перешедших на непрерывку, увеличилась. Вот, например, мостовой цех Сталинского металлургического завода увеличил продукцию на 19,6%. Шахта Володарка стала добывать угля на 11,2% в день больше, чем добывала раньше.

Стекольный завод имени Луначарского стал выпускать своих изделий больше на 14%.

Машина умерла морально.

К концу второго года пятилетки на непрерывку перейдет три четверти всех рабочих Союза, предприятия расширятся на 33%, производительность труда поднимется на 25%, а зарплата на 9%.

Дела, как видите, обстоят не так плохо,—цифры уверяют нас, что непрерывка не окажется коварной.

Стоит ли плакать о воскресном отдыхе

Воскресенье ушло, унося свои „прелести“: гнусавые обедни, пьянки, гулянья в садах, набитых до отказа толпой.

Заплакали пропахшие нафталином старухи, заплакали прогульщики, у которых непрерывка расстроила теплую компанию, собиравшуюся по воскресеньям распить бутылочку-другую... Ну, нам с ними долго канителиться некогда: поплачут—перестанут.

А мы знаем, что если отдыхают не все трудящиеся сразу, а только одна пятая их, то этот отдых выйдет гораздо лучше, чем воскресный. Кино и клубы не будут больше трещать от человеческого месива. Спортивные площадки потеряют свою недоступность и не будут похожими на виноград, который „еще зелен“, а всякий будет иметь возможность ими пользоваться, потому что не будет толкучки. Парки и сады, не прокуренные и не зашарканные толпой, дадут больше свежести и зеленой тишины. Количество рабочих часов для каждого останется прежним. Перед днями отдыха будет полный день работы, не уменьшенный на два часа, как было прежде, но зато отдых получается не на седьмой день, а на пятый.

ЗАПОМНИ

И РАССКАЖИ РОДИТЕЛЯМ!

Введение непрерывной недели даст:

Увеличение числа рабочих на 600 000; лишней продукции за четырехлетие на четыре миллиарда рублей; повышение использования оборудования фабрик и заводов на 20% (т. е. четыре станка будут вырабатывать столько же, сколько теперь пять); приблизит введение всеобщего обучения ребят, освободив помещение в школах для новых групп.

ЖИЗНЬ ЗА ТУМАН

Рассказ С. БУДАНЦЕВА

Рисунки В. ГВАЙТА

I

Лошади были утомлены жарой и ожиданием. Гнедая кобыла Эддингтона вырывала повод из рук старика Мамеда, она словно готова была заржать, что в такую жару лучше стоять в стойле. Казаки конвоя с тоской смотрели на пруд, полный родниковых вод. Над прудом навис отвесный хребет, гладкий и тяжкий, покрытый травой. Стена была вышиной около 2 километров. Трава пробивалась сквозь камень.

Четверо англичан приехали сюда на увеселительную прогулку верхом. Это были директор банка Эдвардс, с женой и свояченицей Дженни, и ротмистр Эддингтон. Но в Персии англичанам нельзя уезжать далеко от города без охраны. Эддингтон взял с собой взвод персидских казаков, которым командовал в городе. Это были наемные войска из персов-туземцев, поэтому англичане им не особенно доверяли. Но лучших не было. Среди взвода было несколько развитых персов: прежде всего вахмистр (начальник взвода) Гулям-Гуссейн, который считался преданным англичанам, и затем его постоянный противник в спорах Ибрагим-Заде, молодой высокий человек в поношенном бешмете. Ибрагим-Заде англичан ненавидел, скрывая, конечно, свои чувства. У самого подножья хребта, за поворотом дороги в город, расположилась родная деревня Ибрагима. Местные жители всегда показывают приезжим горы и свою ловкость: они по отвесной стене хребта забираются очень высоко и рвут там букетики жестких, но душистых трав и цветов. Щедрые путешественники платят за эту опасную прогулку несколько копеек. Персы униженно благодарят.

Чтобы позабавить своих дам, директор банка и устроил это удовольствие.

Четыре головы были запрокинуты вверх. Перс ловко взбирался по отвесной горе.

— Выше, мальчик, выше!

— Он достает душистую траву, душицу, так кажется?—спрашивала Дженни.

Казаки столпились у коновязи вокруг Ибрагима-Заде и вахмистра Гулям-Гуссейна. Вахмистр распространялся:

— Вот они, англичане! Образование, ум... Все они знают, все понимают. Банкир говорит о нашей стране, как о своем доме, объясняет, как картину у себя на стене.

— Велика хитрость! И я не заблужусь в своем кошельке.

— Молчи, Ибрагим-Заде! А как он рассказывает: „Этому столько лет, этому столько“...

— Перед собой бахвалится: вот над какой страной мы владыки!

Лицо вахмистра покраснело.

— Ну,—крикнул он,—начал! Что за речи для казака персидской бригады! Тут тебе не большевистская шайка!

— Ты подумай о большевиках, а потом бранись.

Лошади, услыхав голоса ссоры, запрядали ушами. Но размолвка не успела разгореться. Мальчишка лет двенадцати подбежал к Ибрагим-Заде.

Он дает туман!..

— Кто?

— Ваш командир.

— За что? Что ты толком сказать ничего не можешь? Запыхался!

— С ним стоит молодая ханум и говорит: „А ты, мальчик, умеешь так высоко лазить и доставать англичанам душистую траву с гор?“ Так мне перевел ее слова старик. Я сказал. „Я умею, я здешний“. „Ну так ты получишь туман, если влезешь выше того мужчины, что сейчас там наверху, и сорвешь душицу!“

— Ну?

— Я сказал: „Выше трудно. Ахмет мужчина, он лазит лучше всех у нас“. Скажи, брат, лезть мне, или нет?

Ибрагим-Заде посмотрел на него и затрясся от возмущения.

— Тебе дают туман, щенок, а ты еще спрашиваешь! Что у вас с матерью амбары полны, вода в арыках не просыхает? На старшего брата надеетесь, на казенное жалованье! Лезь! Что англичанка мерить будет, выше ты поднялся Ахмета или нет?—И ласково:—Беги Али, не заставляй ждать.

— Пойдем, посмотрим, как братишка зарабатывает туман!

Голос Ибрагима-Заде был горек и злобен. Когда они вышли за выступ скалы, отделявший их от забавного зрелища и англичан, то увидали, что мальчишка забрался довольно высоко. Он легко и уверенно цеплялся босыми ногами за невидимые уже выступы и трещины; казалось, он прилипает, как муха, к отвесной стене. Потом развевающиеся лохмотья понесли его, как крылья. Еще мгновение он

парил неподвижно. Англичане подняли бинокли. Наконец, он повис в воздухе. Он плавал, как плавает ястребенок в рыжих облаках заката.

— Хорошо! Я сам лазил в его годы. Хорошо!

Английское восклицание донеслось до казаков. Это кричала мисс Дженни:

— Выше, мальчик, выше!

Ибрагим-Заде позеленел.

— Она не понимает, а выше нельзя.

Бинокль дрожал в руке мисс. Пот засиял у нее на висках.

— Крикните ему, Чарли, чтобы выше!

Ротмистр сложил руки рупором, раздалось:

— Наддай!

— Он не слышит!

Дженни топнула ногой.

— Выше! Меня это занимает. Я хочу, чтобы нас дурачил персюченок! Выше!.. Он не обращает внимания, не слышит. Выстрелите из револьвера, он поймет!

Эддингтон выхватил кольт и выстрелил вверх. Мальчик должен был понять, что от него требуют большей ловкости.

Ибрагим-Заде хрипло кашлянул.

— Что они делают! Братишка выбивается из сил.

Еще выстрел.

В рыжей высоте произошло что-то неладное.

Мальчик, казавшийся птицей, в один миг превратился в комок, медленно, по прямой опускаясь к земле. Кто-то нашел время ахнуть. Мальчик летел, как камень. Уже стало видно, как лохмотья отставали от тела. Он падал далеко влево, куда его увела, еще живого, трещина. Раздался глухой и влажный шлепок, Ибрагим-Заде побежал в другую сторону. Никто в суматохе не заметил, как он вскочил на лошадь.

II

— А где Ибрагим-Заде?

Не успел вахмистр повернуться в седле для почтительного ответа, как нагайка ротмистра свистнула над плечом. Когда он не был вахмистром, его часто били. Но бить его теперь, перед подчиненными! Но командир не ударил вахмистра. Плеть провизжала мимо:

Эддингтон спросил:

— Куда он мог удрать?

Выдвинулся Мамед и приложил руку к шапке.

— Дозволь ответить.

— Говори,—сказал Эддингтон по-персидски.

— Я думаю, он вернется.

— Почему ты уверен?

— Я не уверен. Но он здешний... Вот из этого селения. (Они проезжали мимо крайних лачуг, прилепившихся у подножия гор). Его родственники здесь живут.

Офицер не дослушал словоохотливого старика. Раньше, чем кто-либо успел сообразить в чем дело, лошадь переднего казака шарахнулась в сторону. Тонко провыла пуля. Бухнул глухой выстрел откуда-то сзади.

— Проезжайте вперед, — скомандовал Эддингтон Эдвардсу и хлестнул его кобылу. Провизжало еще несколько раз. Лошадь Дженни мотнула головой.

— Кровь!—не своим голосом закричала Дженни.

— Вперед!—яростно вырвалось у Эддингтона.

Все, наконец, сообразили, в чем дело, и пустили лошадей в галоп.

Казаки поворачивали коней. В пыли, поднятой маневром взвода, неслись англичане. В глазах вахмистра мелькнула белая шляпка миссис Эдвардс, жены банкира, которую они должны были защищать. Защелкали затворы, понеслись пули из деревни, кричал Эддингтон. Крик его подхватывали и передавали по рядам. Раздались ответные залпы и превратились в частую стрельбу.

Он дает туман.

Со стороны деревни отвечали уже непрерывным гулом и воем, но стреляли плохо и безвредно для казаков. Тогда в неровный звук ружейной перестрелки вошла трескотня механической скорой стрельбы. Кто-то закричал:

— Пулемет!

Пулемет в нищей персидской деревне!

Все поняли, в чем дело. Оказалось, и сюда добралось восстание кочевых племен. У них была постоянная организация и оружие.

Вахмистр увидал, что все кончено. Взвода не было. Одиночные всадники жались к стенам домов. Вахмистр выпустил обойму вдоль деревни и медленно стал отъезжать вправо.

Прямо навстречу, из-за стены полуразрушенной какой-то мазанки выбежала, задирая сумасшедшую голову, лошадь и поскакала дальше, нахлестываемая пустыми стременами. Это была лошадь командира-англичанина, очевидно убитого. Казаки поднимали руки и сдавались. Некоторые пустились в догонку за банкиром и его дамами, которые мчались во весь опор к городу. Их хотели арестовать и привезти к повстанцам, к Ибрагиму-Заде.

КАМЧАТКА ОТВЕЧАЕТ

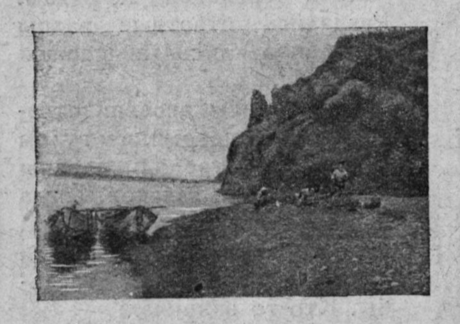
школьникам села Куровщино, Тамбовского округа

Здравствуйте, дорогие товарищи!

В журнале „Пионер“ № 4 мы прочитали вашу заметку „Правда ли это?“ и спешим ответить.

Наш отряд находится в с. Усть-Белая, Анадырского района, Камчатского округа.

Руководит нами учитель Ковалевский Петр Иннокентьевич. Он в прошлом году ездил в Москву и Ленинград, и теперь мы знаем, как далеко ваши края от Анадыря. Нужно переехать Волгу, перевалить Уральский хребет, оставить за собой всю Сибирь, миновать Амур и Приморье, на берегу Японского моря, во Владивостоке, сесть на пароход, побывать в Японии (город Хакодате), обогнуть весь Камчатский полуостров, высадиться на берег в Анадырском лимане, что на Беринговом море, и еще 300 километров подниматься на шхуне, катере или лодке вверх по реке.

Скала Утещик на реке Анадырь.

Дети чукчей в меховой одежде.

Группа чукчей. Девочки-пионерки нашего отряда.

Страшно подумать, какой это большой путь—целых 13 000 километров!

Край наш суров и неприветлив. Тундра и голые, лишенные всякой растительности, скалы. Деревьев совсем нет, а на побережьи отсутствуют даже кустики. Только мох, трава и редкие цветы радуют глаза.

Климат холодный, морозы—злющие. Например, в минувшем году, в декабре месяце, Усть-Бельская метеорологическая станция прервала свои наблюдения, потому что нехватало делений на термометре (ртуть опустилась ниже 46°). Часто свирепствует пурга. Люди сидят в домах по много дней и боятся даже выйти к соседу, рискуя заблудиться и погибнуть в сугробах. В феврале чуть было не пропала наша женщина-врач. Мобилизовали все население, пошли, цепью взявшись за руки, и нашли ее замерзающую возле селения.

Живут у нас кочевники и оседлые. К первым относятся чукчи и ламуты, а к оседлым—обрусевшие чуванцы, юкагиры, ламуты и безоленные чукчи.

Кочевники со своими табунами оленей бродят по всему району, а мы, оседлые, живем по реке Анадырю и его притокам в маленьких поселках, домов в 5—10, и занимаемся рыбной ловлей и охотой.

Наш отряд организовался в 1928 году, в годовщину смерти тов. Ленина. Всего в нем 20 ребят—10 девочек и столько же мальчиков. Из них 8 чукчей, 2 ламутов, 2 русских, 3 чуванца, а остальные метисы.

Почти все из нас учатся в местной школе. 14 человек из села Усть-Белая, а остальные (чукчи) приезжие и живут в интернате.

Не думайте, что у нас очень скучно. Есть веселье и на севере: катанье на лыжах, езда на собаках, бег на оленях, интересные приключения на охоте и во время рыбной ловли и т. д. и т. п.

Правда, мы не видим кино; 1 раз в год мы получаем все номера „Пионера“ и „Пионерской Правды“. Почему-то не хочет работать наш громкоговоритель, но мы стараемся это удовольствие чем-нибудь заменить. Так, например, соорудили крохотную сцену и ставим детские спектакли, выписали этим летом из Универпочта балалайки, издаем собственную стенгазету, учимся фотографировать (аппарат не наш—вожатого), ведем переписку со многими отрядами и школами материка и послали письмо в Осло норвежским товарищам.

Учатся наши ребятки довольно хорошо, но грамота дается с трудом, по-русски плохо говорим, да и учебников и наглядных пособий подходящих почти нет. А увидеть нам в жизни нечего; собак вот разве да оленей и зверя разного, но мы их и так, без школы, хорошо знаем.

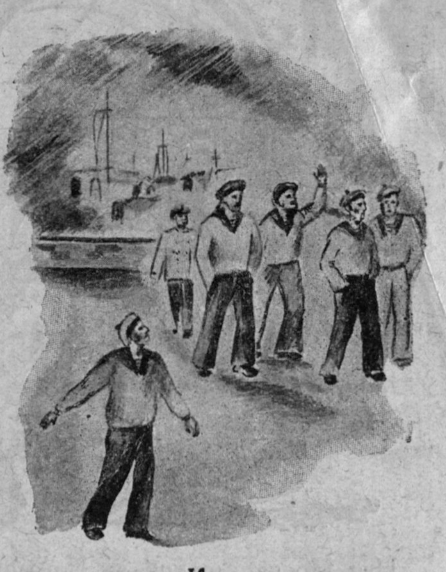
Есть в журнале „Пионер“ один отдел, который нас очень удивляет: называется он „Камчатка“. Редакция думает, что он поможет школам и отрядам избавиться от хулиганов и бездельников, место которым у нас на Камчатке.

Напрасно вы нас так обижаете. Ну, да уж ладно, наша Камчатка очень далеко, и немудрено, что о ней рассказывают так много невероятных вещей.

Дорогие друзья, кто еще хочет с нами переписываться? Наш адрес: Камчатка, Анадырь, Усть-Бельский отряд юных пионеров имени т. Ворошилова.

ОДЕССА—ПОРТ

Очерк деткора Н. КОНОВАЛОВА
Рисунки А. КРЫЛОВОЙ

Пройдя через площадь перед таможней, сразу вступаешь в порт. В глаза бросается оживленное движение, дым и пар, с шумом вырывающиеся из труб. За длинными пакгаузами виднеются мачты.

Трудно издали определить национальность судов, потому что каждое иностранное судно, входя в порт СССР, поднимает советский флаг. То же делают и наши суда, входя в иностранный порт. И только, когда подойдешь поближе к корме парохода и взглянешь на флаг (уже не советский), то узнаешь национальность судна. Некоторые люди даже по техническим усовершенствованиям на судах узнают их национальность. Например, турецкие и греческие суда легко отличить от английских или от итальянских. Первые—это несчастные разбитые посудины, на которых матросы плавают, только чтобы спастись от голода дома. Вторые же построены по последнему слову техники и кажутся очень привлекательными.

После того, как судно пришвартовалось к пристани, с борта его спускаются сходни. По ним первыми поднимаются представители власти и совершают все необходимые формальности.

Затем на берег сходит часть моряков. Главным их пристанищем является „Интернациональный клуб моряков". Здесь собираются моряки всех стран. Тут они находят и уют, и чистоту. Правда, командный состав не всегда отпускает матросов—боится агитации. Бывает так, что на протяжении недельной стоянки матросов ни разу не отпускают на берег. Чаще всего это проделывается на французских судах.

После того, как советские таможенные власти сходят с палубы, на судно взбираются рабочие-грузчики и приступают к своей работе. Проверяются лебедки, трюм, открываются колодцы в трюме, подставляются к борту прочные деревянные козлы, на которые лебедки опускают сетки с грузом. Когда все проверено и приготовлено, начинается выгрузка. Лебедка с грохотом опускает стальной трос с сеткой в глубокий трюм, где рабочие ее наполняют. Когда сетка наполнена, из трюма чуть слышно доносится:

— Вира!

Сетка быстро поднимается из трюма и, поравнявшись с бортом, застывает высоко в воздухе.

Один из рабочих при помощи толстого конца (веревки) начинает ее раскачивать. Когда сетка отклонится далеко от борта, с берега громко кричат:

— Майна!

И сетка сперва быстро, потом медленно опускается на козлы. Грузчики быстро снимают ее с крючка и прицепляют другую, пустую. Пока пустая сетка наполняется в трюме, эту сетку быстро разгружают.

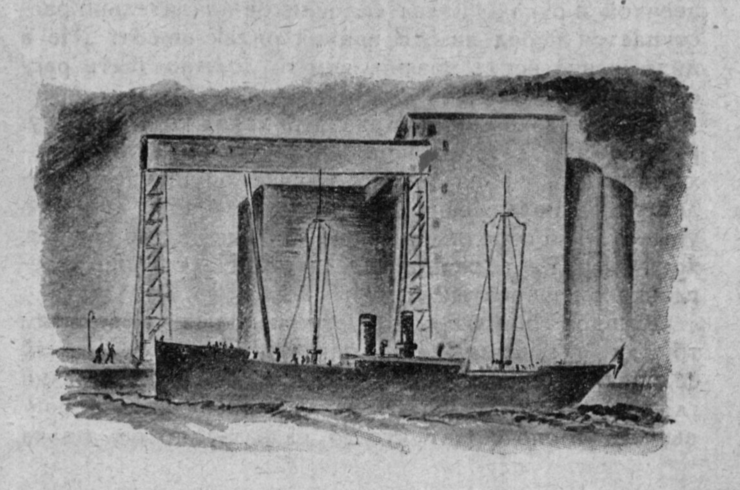
Тяжелые грузы—машины—выгружаются при помощи пловучих подъемных кранов. Они подходят к пароходу с противоположного от пристани борта и опускают свои громадные крюки в темный трюм. Несмотря на всякие технические усовершенствования, выгрузка машин кранами проходит медленно, потому что малейшее сотрясение и недосмотр грозят падением многотонного ящика. Когда ящик с машинами опущен на козла, рабочие начинают спускать его на землю. Для этого они подкладывают под ящик круглые бруски и медленно его катят.

Раньше мы расплачивались с заграницей хлебом. Теперь место хлеба заняли другие сельскохозяйственные продукты. Через год-два мы снова сможем вывозить хлеб. Хлеб вывозился так.

Если рожь или пшеница на складах была в мешках, то ее прямо привозили на извозчичьих площадках, на грузовиках; при помощи маленьких, но очень сильных электровозов, к которым прицепляли по 1—2 площадки, нагруженных мешками. Мешки эти также при помощи лебедок опускались в трюм, где грузчики рядами укладывали их.

Но часто бывало и так, что зерно ссыпали в трюм парохода без всяких мешков. Пустое судно подходит к элеватору. С конца одного из элеваторных коридоров спускают длинную толстую трубу прямо в трюм. Затем в элеваторе пускают особые машины, и зерно начинает толстой струей течь в темный провал трюма. Нагрузка проходит быстрее, и гораздо меньше затрачивается рабочей силы.

Но вот пароход нагружен. Плотно закрываются трюмы, натягивается брезент, убираются сходни. Подходит особо сильный катер и принимает конец с судна. Отдают последние концы с берега. Катер отталкивает пароход от пристани. Оттащив его до середины бухты, он отдает конец обратно на пароход, и тот медленно выходит за маяк.

ПРОКОФИЙ ДЕМИДОВ

Рассказ КОВАЛЕНСКОГО

Рисунки В. ЦЕЛЬМЕРА

Над Москвой-рекой, за Крымским мостом, там, где теперь Парк культуры и отдыха, стоит большой желтый с белыми колоннадами дворец. Недавно еще он назывался Александринским, потом Нескучным; ныне там Музей народоведения.

Дворец этот стар, ему 175 лет. Много видали на своем веку его толстые стены, много владельцев переменил он с тех пор, как в 1756 году выстроил его уральский заводчик Прокофий Акинфиевич Демидов, внук простого тульского кузнеца.

Кузнец этот хорошо делал оружие и Петр I поручил ему „наладить огнестрелительные заводы". Кузнец выстроил оружейные заводы в Туле и металлургические на Урале. Рабочая сила была даровая; приписанные Петром к заводам крепостные и государственные крестьяне работали без срока и отдыха. И через 50 лет состояние Демидовых считалось десятками миллионов.

Внук кузнеца, Прокофий Акинфиевич, проживал в Москве. В отношениях с людьми он был типичнейшим „самодуром". Служащие должны были „точно и переточно" исполнять его волю, иначе следовало грозное „цыц и перецыц" и обещание раздавить, „как лягушек". В ту эпоху совершенно бесконтрольная власть над окружающими сильно способствовала развитию всяких чудачеств и самодурств.

Вот что, примерно, увидели б мы, перенесясь на 150 лет назад.

1

Раннее майское утро.

Прокофий Акинфиевич выходит в сад с золоченой леечкой в руках. Толпа садовников почтительно расступается перед ним. В задних рядах шепот: „Не в духе нынче встал хозяин, чем-то должно быть расстроен".

На Демидове синий бархатный халат на распашку, расшитый золотыми павлинами, мягкая синяя бархатная шапочка на голове, мягкие, опушенные соболем, сафьяновые сапожки. Мясистое бабье лицо его уныло. У губ собраны складки,—обычно их не бывает, хотя ему идет седьмой десяток. Не слышно всегдашних грубоватых шуток.

Демидов подходит к кусту пышных, с великим трудом выписанных из заграницы, роз. Главный садовник наливает воду в золоченую леечку. Хозяин глядит на него, двигает губами (всегдашняя привычка), точно хочет что-то сказать, потом молча принимается за поливку, но скоро отбрасывает леечку в сторону.

— Князь-то Иван Петрович что мне сказал! Я у его розочку попросил, хороша розочка, такую не скоро сыщешь, а он и говорит: „Мало-ль бы чего захотелось. Мне, може, самому нужна". Я ему цену давал, а он: „Не все, говорит, вашими деньгами купите, кой-чего и не достанете". Это он к тому, что я из простого, вишь, звания. Ну нет, что уж, попляшет он у меня мохнорылого, попляшет. Скажи, какой важной! Сукин он кот-перекот, хоть и князь!

2

Вечереет. Слуги в двусветном зале накрывают столы. Прокофий Демидов молча шагает по кабинету—наискось—из угла в угол. У дверей переминается с ноги на ногу крестьянин в лаптях, не смея ступить на ковер, теребит драную свою шапченку.

Это—рабочий из крепостных, пришедший пешком с Урала в Москву подать челобитную „самому" владельцу Тагильских, Невьянских и пр. и пр. заводов. Не могут дольше сносить голода, мора и работы каторжной приписанные к заводам демидовские крестьяне, составили челобитную,—не смилостивится ли хозяин над их участью... Но и управители заводские не дремлют: узнав, что в челобитной имеются на них жалобы, послали они в Москву контр-донесение...

Зять Прокофия Демидова, Хозиков, сидит у бюро красного дерева, просматривая бумаги. Идет допрос челобитчика.

— Перечти-ка, батюшка,—говорит зятю хозяин,—что приказчики доносят; после челобитчика допрошу,—уповательно, не все ж здесь налгали архибестии...

Марк Иванович перебегает глазами по ровным строкам донесения:

„... *и оные башкирцы ежедень лес и степу пожигают, пускают по ветру неутушимые огни. От которых огней не только какую оборону или защиту дроводелам, также на куренях готовому углю иметь, но и самих построенных заводов и фабрик с обывательскими домами едва возможно остерегать и отстаивать. Отчего и все заводские мастеровые и работные люди от тех беспрестанных пожаров, от всегдашних набегов и караулов пришли в изнеможение. Потому что оные злодеи башкирцы теми учиненными пожарами вымышленно на заводы и рудники и дроводелы наводят волшебные дымы*".

— Ой лгут,—крестьянин бросается хозяину в ноги,—лгут, псы...

— Молчать! Тебя спрашивают? Чти, Марк Иванович, чти голубь!

— *„Наводят волшебные дымы, от коих беспрестанно стоит самый смертельный воздух. Чего ради весьма при оных заводах почесть до едного человека находятся в хворости, из коих немалое число людей померло. Да и ныне весьма множество смертельно хворают, а именно болезнь та от того тяжкого воздуха тяжкая одышка, которая задавливает сердца, а особливо в горлах у каждого болезнь—главоболие; и оттого дневные пиши лишаются и умирают. А некоторые, обнесением от того воздуха голов, вне ума падают и долго без всякого лежат чувства. Которое неблагополучие наемные работные люди видя здесь в народе ежедневный смертельный упадок, причитая за язву, бежало с заводов и рудников с 400 человек... А как приказано нам еженедельно по куреням и дроводелам объезжать: народ там не покоен и волшебные башкирские дымы быть нам там не дозволяют...“*

— Погоди, Марк Иванович, остановись. Ишь расписались. В сей миг челобитчика допрашивать стану. Эй, подлец, отвечай, да лишнего не городи. Пожигают башкиры степу?

— Пожигают...

— А лес?

— И лес...

— Оттого воздуху люди мрут?

— Не от того, а от угольного и доменного угару, пуще же от голоду, — грабят прикащики за себя все припасы.

— Погоди... Волшебные дымы башкирцы напущают?

— Не видал... Слободы разоряют, это точно, однако, гадаю, генерал Борисов разоряет куда проворнее.

— Генерал Борисов по царскому повелению послан искать крамолу, а ты, видать, первый крамольник и есть!

— Ваша милость, не крамолу он ищет, больше деньгу—нам ведомо.

— И опять не твое холуйское дело генерала Борисова судить! Противишься, шельмец? В холодную посажу! В цепь подлеца закую!

Мясистое лицо Прокофия Акинфиевича багрово-красно. Тяжко дыша, он опускается на широченную софу, говорит прерывисто:

— Вон! Завтра, чуть свет, удумаю про тебя.— Глаза его закрываются, но едва исчезает из кабинета фигура челобитчика, он подмигивает зятю:

— Ну уж, что уж, пиши голубь, приказной сволочи,—я подиктую. Сдается, не все лжет челобитчик-то мой! А все же без острастки нельзя, избалуются холопы, не сладишь, посылай генералов, те край зорют,—так нам же в народе убыток... Этак, гляди, под предел лет по миру пойдешь! Ну, голубь, пиши, пиши, умаялся я ныне. . Как кончим, пойду в саде удышусь, у меня, ведь, только и радости...

3

Дворец освещен во всю—сегодня у Демидова званый ужин. Громыхая по каменным плитам двора,

Князь сгибается в три погибели и вылезает из залы.

Демидов выехал в оранжевой колымаге.

подъезжают к крыльцу, запряженные четверками и шестерками золоченые кареты, подвозя титулованную московскую знать. Гости в екатерининских камзолах и пудреных париках входят в подъезд.

На верхней площадке лестницы, декорированной лесом цветов и пальм, встречает их Прокофий Акинфиевич, но почему-то не проводит в пиршественную залу,—усаживает в вестибюле, просит пообождать минутку,—нет де главного гостя. Вдруг лицо его начинает сиять самой неподдельной радостью: он бросается входящему навстречу, даже какая-то растерянность видна в нем, так велико его умиление.

— Голубь мой, князь Иван Петрович, наконец-то! Заждался, совсем заждался, гадал уж и не увижу голубя моего... Ну, други милые, пойдемте потрапезничаем, чем бог послал. Только уж и не знаю, как сказать... дело у меня тут такое вышло.

Гости переглядываются—что такое? Хозяин ведет их в двухсветную залу. И здесь они замечают: в нише каждой двери и по стенам стоят лестницы и помосты,—должно быть, маляры только что возились на них; повсюду известка, грязные кисти, какие то доски, рогожа.

— Ну уж, что уж, простите меня худородного,—работнички вишь без меня начали что! Да ничего, как нибудь попируем, проходите, други, проходите!

И согнувшись, Прокофий Акинфиевич пролезает под помостом в залу.

Гости недоумевают. Не пойти—хозяин обидится, а обижать его и не за что и небезопасно... Сгибая спины, лезут они гуськом в залу. Кто-то стукается головой о помост,—помост подозрительно шатается. А из всех щелей, изо всех дверей смотрят дворовые, зажимая ладонями рты, чтоб не фыркнуть.

— Гляди, гляди, светлейший весь бок перемазал! Ишь, гнутся, не хуже нас смердов! Согнешься, потому—сила!

В зале начинается пир.

4

Много съедено, много выпито. Столетнее рейнское и рубиновый аликант льются струей. Кое-кто из гостей совсем опьянел. Два крепостных хора поют застольные разудалые песни, притопывают в такт каблуками.

Лица раскраснелись шутки становятся все грубее.

Князь Иван Петрович едва держится на ногах,—его чаще других угощает хозяин, лакеи в золоченых ливреях то и дело подливают ему старые, крепкие вина. Князь беспрестанно протирает свои большие роговые очки, только что входящие в моду в „самом Париже".

И вдруг гости замечают, что на всех лакеях, дворовых, на всем хоре появляются такие же большие роговые очки. И каждый раз как протирает их князь, протирает их вся орава. Он таращит глаза: уж не кажется ли ему спьяну? Нет, точно,—очки! Князь обиженно встает из-за стола—но тут множество попугаев с шумом влетают в комнату и на каждом попугае прикреплены к клюву роговые очки. Попугаи вертят головами, пытаясь от них отделаться. Гости видят: все попугаи выкрашены в цвета княжеского камзола.

— Что это? Навождение? Уж не спятил ли он с ума?

Но взрывы хохота и устремленные на него глаза убеждают в ином... Взбешенный князь бросается к двери.

Но тут начинается самое главное: пьяный, князь никак не может пролезть под помост, он бесится, ругается, а Прокофий Акинфиевич посмеиваясь, приговаривает:

— Эх, голубь, как же ты ныне упился! И с чего бы кажется? Вот худородный, не мене тебя пил, а голова у меня светлая... Ну ничего, за то ты князь, тебе и так ото всех почет да ласка.

После тщетных попыток пролезть, князь бросается к другой двери—но и там история та же. Нет, ей-богу, за время пира помосты стали гораздо ниже!.. Наконец, князь сгибается в три погибели—не удерживается и на четвереньках выползает из залы. Хозяин сокрушенно качает головой ему вслед.

5

— Удумал я ныне, Марк Иванович,—говорит Демидов зятю, вдыхая ветерок подмосковный полей,—удумал я основать заведение для молодых людей обучения наукам коммерческим. Хорошо-б было, каб наших купцов детки те науки произошли, на манер англинской нации торговцев. В чужеземных краях конторы-б пооткрывал.

Спишу-ка я им капиталец,—уповательно тысяч 200 надо, не менее,—столько ж, примерно, я и на воспитательный дом дал, так что бы не обидно было...

Прокофий Акинфиевич задумывается: что б еще сделать для процветания торговли и наук отечественных?

6

История с очками не прошла Демидову даром. Взбешенный князь пожаловался Екатерине в Петербург. Екатерина рассердилась. А тут как раз подоспела новая выходка. Как-то под вечер явился к Демидову секретарь юстицколлегии Скорняков.

Прокофий Акинфиевич пил в веселой кампании с соседом, купцом Сериковым, каким-то проходимцем-греком и собственным лакеем. Было душно, и хозяин сидел на диване в чем мать родила.

— А, приказная сволочь явилась. Ну уж ладно, я ей справочку дам! Сейчас дам!

Приказав провести секретаря в кабинет, он сейчас же явился к нему сам—в том же костюме. Увидав секретаря, принялся молча ходить вокруг него по кругу. Изумленный секретарь поворачивался из стороны в сторону, пытаясь начать разговор. А Демидов все ходил. Потом взял его за фалду камзола и начал кружить на одном месте. Секретарь стал вырываться,—Демидов оказался гораздо сильнее и вертел его все быстрее и быстрее. Наконец, у секретаря закружилась голова и, обессилев, он свалился на ковер.

Тогда хозяин уселся ему на ноги и куском угля написал на светлом камзоле пониже поясницы:

„Справка выдана сего 27 майя. Прокофей Демидовъ".

Потом поднял секретаря и, ловко действуя коленом, с отменной быстротой погнал его через анфиладу комнат.

7

Оскорбление действием должностного лица, да при каких еще обстоятельствах! В сенате даже нельзя рассказать вслух! Который уже это раз? Нет, положительно, этот богач не знает меры своим шуткам! Надо унять его теперь же! Екатерина сильно раздражилась.

И в сенате завелось бесконечное судебное дело.

Демидову пригрозили из Петербурга. Его доброжелателями был послан человек, передавший ему настойчивый совет друзей: оставить Москву и не возвращаться до зимнего пути.

Прокофий Акинфиевич приуныл. Больше всего на на свете не хотелось ему расставаться со своим ботаническим садом,—особенно теперь, когда обещался приехать к нему славный ученый, академик Петр Симон Паллас, для составления научного каталога растений.

Но положение было скверное, и грустный и расстроенный Демидов выехал из своего дворца в оранжевой колымаге, сплошь завешанной траурной материей, в подмосковное местечко, километра за 3-4 от Москвы. Целыми днями валялся он на постели и писал грозные письма на заводы, где все сильнее действовали работные люди теперь, после окончательного усмирения пугачевского бунта.

8

И внезапно, в середине июня, хозяин встал однажды веселый и неугомонный, как прежде. С утра начались шутки. Дворня вздохнула, увидав перемену в хозяине: чай, больше не будет сажать в холодную!

Целый день какие-то купцы и неопределенные люди толпились в доме. Хозяин расхаживал между ними быстрыми шажками немытый, неодетый,—некогда, некогда, мысль-то какая!

А окрестные крестьяне дивились, проезжая по большаку меж домом и Москвой: сотни людей ощипывали деревья, кусты, траву вдоль дороги, не оставляли ни одного листка...

К полудню длинный обоз потянулся из Москвы. Телега за телегой ехали, груженные кульками.

В два часа дня Прокофий Акинфиевич вышел на крыльцо.

— Гей, люди, высыпай!

И тысячи пудов высыпанной из кульков соли покрыли большак словно снежной россыпью.

Демидов надел шубу и огромную меховую шапку. К дому подъехали сани, запряженные тройкой, все в бубенцах.

— В Москву, голубь, в Москву. Стосковался я по саде. Ну уж, что уж, пора, от и зима подошла, путь ныне санной!

Тройка стремглав понеслась по усыпанной солью дороге.

— Живее кати, кот-перекот! — орал Демидов в полном восторге, — чем тебе не зима? Ни листочка нигде! Замерз, совсем замерз! Перепере-замерз! Живей кати, архикот!..

С гиком, визгом и звоном пронеслась по большаку тройка. Прокофий Акинфиевич вылез из саней у подъезда своего московского дворца.

А к дороге сбегались со всех сторон тысячи людей московских подбирать потоптанную конскими копытами соль.

9

Дело об избиении секретаря шло своим чередом.

Узнав о соляной дороге, Екатерина окончательно обозлилась, и над Демидовым нависла гроза царского гнева.

Но тут поднялся на его защиту всесильный Бецкий, секретарь и ближайший советник Екатерины. Бецкий стоял, между прочим, во главе совета воспитательного дома, высоко ценил Демидова и знал, что не только тот был чудаком, но щедрым жертвователем, рьяным поощрителем наук, и умным человеком. Кроме того, Бецкий понимал, один из немногих, какое значение для ботаники имел Демидовский ботанический сад. Самодурство же было всюду вокруг в эту эпоху авантюристов, вельмож, случайных богачей и фаворитов.

Поэтому тут же последовал:

„Указ нашему Сенату

По причине много добра, учиненного Прокофием Демидовым, Сиропитательному дому, дело его битье юстицколлегии секретаря повелеваем предать забвению...

. . . .

Екатерина"

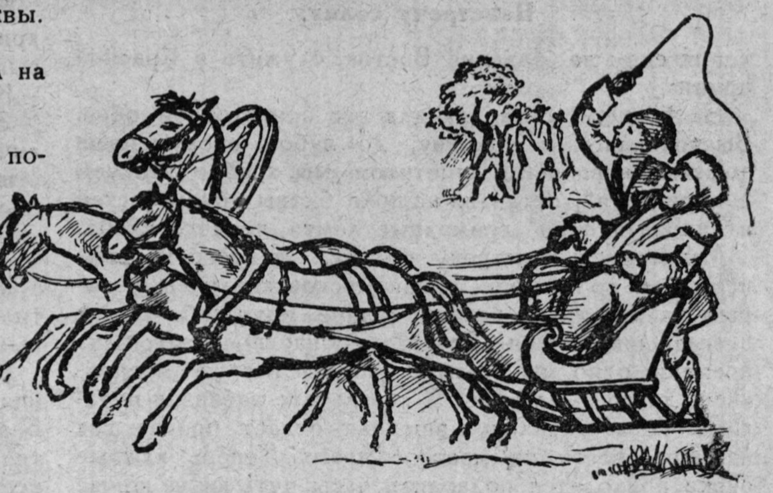
Прокофий Акинфиевич торжествовал.

С утра до ночи расхаживал он теперь с академиком Палласом по своему ботаническому саду, показывал оранжереи, парники, бесчисленные цветы, деревья, растения. Ученый восторгался садом,—даже в других краях почти не видал он подобных... В особенности над молодыми растеньицами простаивал долго Прокофий Акинфиевич.

— Так хорош, голубь, сад? Ну уж, что уж, упарился я!

И сняв сито с золоченой леечки, он жадно выпивал оставшуюся воду.

А на далеком Урале, на богатейших Невьянских, Тагильских и прочая и прочая заводах попрежнему умирали от угольного угара и „болезни главоболия" крепостные работные люди.

Живее кати, кот-перекот!

Несут раненых.

НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Письмо Я. ТАЙЦА

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Китайские генералы и офицеры все время натравливали своих солдат на Красную армию. Почти ежедневно то в одном, то в другом месте границы пограничные части Красной армии и мирные жители обстреливались с китайской стороны.

С середины ноября на нашу сторону начали переправляться белогвардейские отряды, части Красной армии во-время их уничтожали.

15 и 17 ноября во многих местах границы китайские войска пытались перейти в наступление.

Советское командование решило положить конец постоянным нападениям на нас. Мы долго терпели, но наше терпение истощилось.

17 ноября, отбив очередное наступление китайских войск, части особой Дальне-Восточной Красной армии преследовали их за советской границей. На удар мы ответили ударом. Было разоружено больше 8000 китайских солдат и триста офицеров. Наши части отобрали 10 000 винтовок, много орудий и боевого снаряжения. На ст. Манчжурия красноармейцы взяли в плен триста белогвардейцев.

Этот урок не прошел даром для китайских генералов. 20 ноября мукденское правительство заявило нам, что оно принимает советские условия: согласно восстановить совместное управление К.-В. ж. д. и немедленно освободить всех арестованных советских граждан.

3 декабря было подписано соглашение между СССР и мукденским правительством.

Капиталисты Америки, Англии и Франции очень забеспокоились, что наскок китайских генералов на СССР не удался: они прислали СССР ноту, в которой лицемерно предлагали СССР не начинать войну. Раньше капиталисты этих стран натравливали китайских генералов на нас, теперь же, когда генералам дали как следует по рукам, когда К.-В. ж. д. почти разрушена и мукденцы идут на попятную, капиталисты выступают на защиту своих подручных.

Советское правительство ответило капиталистам, что Советский Союз всегда стоял за мир, он первый и единственный отказался от всех кабальных сделок с Китаем. В советах капиталистов мы не нуждаемся и сами сумеем договориться с Китаем.

Мукденское правительство закрыло все советские школы на К.-В. ж. д., и 13 000 школьников, детей советских граждан, остались без школ. Многие учителя арестованы, а школы заняты под тюрьмы и казармы. Арестовано также 13 учеников китайской гимназии, устроивших демонстрацию. Дети арестованных советских граждан голодают.

„Пионерская Правда“ организовала сбор пяти миллионов подписей советских ребят под меморандумом (требованием) нанкинскому правительству об освобождении арестованных ребят и школ.

Отряды и школы собирают тысячи подписей и средства на помощь своим товарищам.

От редакции: В № 1 „Пионера“ за 1930 г. будут помещены интересные рассказы участников боев с белокитайцами и белогвардейцами на советско-китайской границе.

Путевые заметки красноармейца призыва 1929 г.

Навстречу солнцу

Мы едем на Дальний Восток служить в Красной армии.

На больших станциях для нас приготовлен обед. Выстраиваясь в колонну, до зубов вооруженные ложками и волчьим аппетитом мы храбро атакуем „неприятеля“, оставляя на поле битвы груды костей и „уводя в плен“ громадные ломти черного хлеба.

Мы мчимся навстречу солнцу. От этого мы выигрываем во времени. Наши московские часы, которым наплевать на всякое солнце, идут себе своим всегдашним столичным шагом; у нас получается два времени: одно мы везем с собой в вагоне, московское, другое—местное. В результате забавная путаница. Тогда начальник эшелона отдает приказ: все часы перевести на местное время. Теперь каждые сутки приходится подводить часы чуть ли не на час вперед.

Я вижу сон: я в чем-то провинился и на меня кричат: „Что за безобразие! Что за безобразие!“ Просыпаюсь.

Кругом кричат: „Азия! Азия!“

За окном пасмурное, зимнее „азиатское“ утро, ничем не отличающееся от „европейского“. Лесистые холмы, покрытые снегом, один за другим, „в порядке живой очереди“ пробегают мимо вагона.

В Сибири все большое

Мы едем по Сибири. Она громадна. В ней хватило бы „жилплощади“ для всех государств Европы. Сибирь больше Европы почти в $1^1/_2$ раза.

Бесконечная, гладкая, как чертежная доска, снежная степь раскинулась за окном. Это знаменитая Барабинская степь, житница Сибири. Эта житница тянется без конца. В окно смотреть становится совсем неинтересно. Мы увлекаемся внутренними делами, устраиваем общее собрание, поем, играем,

пишем письма, а на окна ноль внимания и фунт презрения...

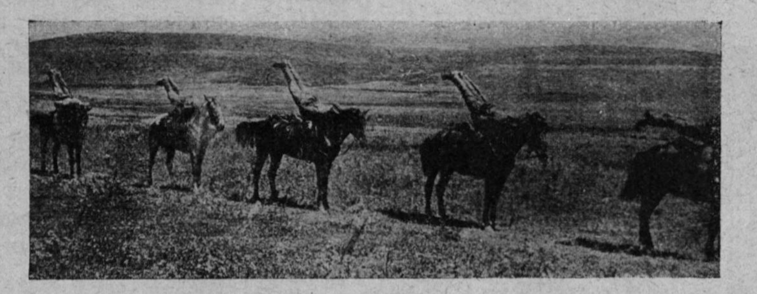
В Сибири все большое. Люди высокие, широкоплечие. Леса громадные. Города пока еще не очень большие, но быстро растут и скоро будут большими. Дома большие. Расстояния между поселениями большие. Коты пушистые, большие. Степи большие. А реки-то, реки! Мы проезжали Иртыш, Обь, Енисей и др. Широкие, многоводные, с быстрым течением— большие реки. Все в Сибири большое, кроме лошадей. Лошади здесь маленькие, но выносливые...

Тайгой

После Новосибирска, надоевшего нам всем своим однообразием, „житница" начинает уступать место лесам, которые постепенно становятся все гуще.

— Тайга, ребята. Сибирская тайга!

Мы бросаем свои внутренние дела и прижимаем носы к окнам. Густой непроходимой чащей столпились деревья за полотном железной дороги. Высоченные сосны, важные ели, пихты, сибирская лиственница, кедры, стройные березки — все, сцепившись ветвями, в причудливом хороводе пробегает мимо окна. Таежные пади (долины) мелькают сквозь чащу. Местами попадаются буреломы: огромные стволы свалены друг на друга, как спички. В тайге, говорят, есть такие глухие места, куда и зверь не заходит.

Вольтижировка (гимнастика на лошадях).

Приемная дочь полка.

Поворачиваем к югу

От Канска мы поворачиваем к югу. Становится заметно теплей. На остановках мы выбегаем без пальто. Над нами сверкает новенькое голубое небо. Тайга осталась позади. Кругом горные кряжи. Крутыми зигзагообразными поворотами, извиваясь змеей, наш поезд, посапывая, переваливает через горы. Часто кажется, что едешь назад до того круты повороты.

От Иркутска мы едем вдоль реки Ангары, которая вытекает из Байкальского озера. Проводник вагона засыпается градом вопросов: „Это ли Байкал? Когда Байкал?" При каждом расширении реки крики: „Байкал! Байкал!"—но все это ложная тревога.

Вдруг, после поворота, перед нами открывается безграничное водное пространство. Ребята ахают от восторга. Это и есть знаменитое Байкальское озеро, которое занимает немаленькую площадь в 34 000 *кв. км.*

Поезд идет у самой воды. С правой стороны отвесная стена гористого берега. Скалы нависают над поездом, тесня его к озеру. Не знаешь, на что смотреть: на прозрачные ли воды Байкала, или на разноцветные скалы, мимо которых мы едем. Мы кидаемся то к правому, то к левому окну. Вдруг в вагоне темнеет. Что за чорт? Кто-то наливающий себе чай останавливается в недоумении с чайником в руке, играющие в шахматы держат взятую фигуру, не зная, куда ее поставить в наступившей темноте. Через четверть минуты, однако, становится опять светло. Через несколько минут опять та же история.

Это туннели. Их не мало. Около сорока штук туннелей пробито в твердой горной породе. Поезд, как мышь, шныряет сквозь них. Скоро мы привыкаем к этим „вспышкам" темноты: ими удобно пользоваться для всяких шуток над зазевавшимся товарищем.

Целый день мы едем мимо Байкала, и все же мы видели только его небольшую часть. Байкал велик, очень велик. Это, действительно, море, славное море.

На девятые сутки

Вот он, наконец, Дальний Восток! Действительно дальний! За девять суток мы отмахали около 7 тысяч километров. Когда мы укладываемся спать, в Москве еще сидят за обедом. В шесть часов утра, когда мы встаем, в Москве еще не кончилось „вчера".

Проезжаем Читу, Нерчинск, реку Шилку, в долине которой добывают золото. Где-то здесь по соседству Тихий океан, Китай. На станциях встречается много китайцев.

Ночью я взглянул на небо. Оно какое-то другое, не московское. Звезды здесь гораздо ярче, примерно, такие, как в планетарии. Большая Медведица опустилась куда-то вниз, ближе к сопкам. Здесь мы будем жить, здесь мы будем учиться защищать страну Советов.

Приехавшие учить нас командиры отделений только что с границы. Они рассказывают интересные вещи о своих стычках с белокитайцами. Мы никогда не начинаем и не отвечаем на их стрельбу. Но если они становятся особенно нахальны, например, вторгаются на нашу территорию, обстреливают селенье или пароход, то на удар отвечаем двойным ударом. Один командир со своим взводом ночью подобрался к китайским окопам; „сняли" часовых, кричат: „Сдавайся!" Оттуда по-русски: „Умрем, но не сдадимся".

Ну, ясно, гранаты сделали свое дело.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕТКОРЫ

ВЫПОЛНЯЕТСЯ КУРИНЫЙ ДОГОВОР

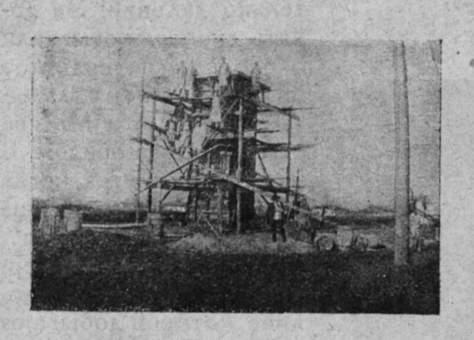
В селе Борках, Харьковского округа, не очень давно кооператив сельскохозяйственного птицеводства открыл птичий питомник. Этот питомник ведет очень хорошую работу: в нем меняют яйца от плохих куриц на яйца, снесенные хорошими курицами. Причем, если крестьяне, которые приходят за заменою, хотят, то им вместо яиц дают уже живых цыплят. А цыплят выводят в инкубаторах, которых на птичьем питомнике много.

Через несколько лет в соседних с питомником деревнях не останется ни одной непородистой курицы.

У нас в хозяйстве есть уже семь куриц и один петух—все завелись через птичий питомник. И эти куры несутся гораздо дольше плохих кур, и яйца от них крупные.

Я достал снимок с инкубаторов. На яйцах лежат термометры, показывающие малейшие изменения температуры.

с. Борки **С. БОНДАРЧУК**

ТРАНСФОРМАТОРНЫЕ БУДКИ

В г. Сумах энергии, которую дают электростанции, нехватает, и горсовет решил строить большую электростанцию. Правда, станцию еще не построили, но построили подстанцию и около двух десятков трансформаторных железобетонных будок. Трансформаторные будки строили в центре и на окраинах города. К каждому трансформатору будет подведен провод, по которому будет итти высоковольтный ток. Каждая будка будет давать энергию отдельному району города.

На снимке: рабочие за постройкой трансформаторной будки на окраине города.

г. Сумы, Лесопильный завод им. Воровского.

Деткор Вик. **БЕЛОУСОВ**

КАМЕННАЯ ИСТОРИЯ

По Полтавщине, на широких полях, раскинулись курганы. Люди узнали, что эти курганы не что иное, как могилы людей, живших задолго до нашего времени. Стали эти курганы разрывать и по предметам, находящимся в курганах, узнавать, кто были эти люди, как они жили и т. д.

Недавно разрыли один такой курган и нашли там каменного идола. В старину был такой полудикий народ—скифы. Скифы поклонялись каменным идолам—„богам". И вот теперь, через много сотен лет, выкопали „бога" из земли и поставили в Украинском историческом музее в Полтаве.

г. Полтава Пионер **САБИР**

ИЗ ЦЕРКВИ—БОЛЬНИЦА

Порешили в прошлом году наши крестьяне строить церковь. Купили материал и приступили к работе. Но в дело вмешались культурные части села, повели агитацию, и крестьяне решили из материала церкви построить больницу.

Сейчас она уже почти готова.

с. Дукмас **Е. ДОНСКОЙ**

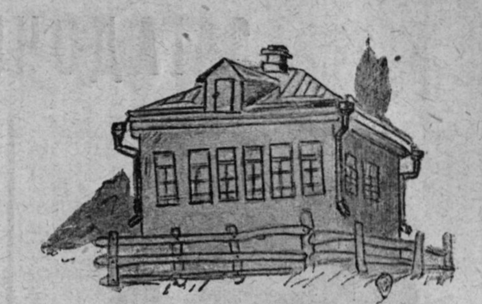

Рис. деткора Е. ДОНСКОГО

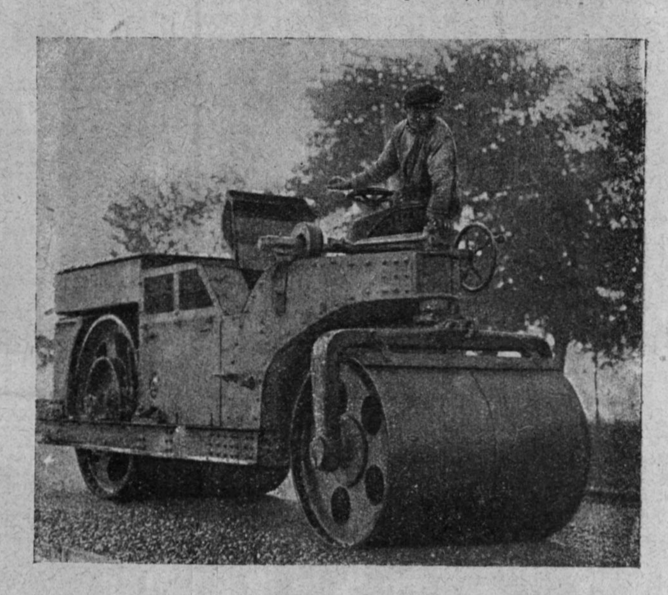
ПОКРОЕМ СССР СЕТЬЮ ХОРОШИХ ДОРОГ

Между Харьковом и Белгородом прокладывается гудронированное шоссе. Это шоссе имеет очень большое значение, потому что до него дорога была очень плохая, с глубокими колеями, грязью и т. д. А ездить по плохой дороге очень неудобно,—поэтому движение было небольшое. Когда шоссе будет построено, то сообщение станет хорошим, и движение увеличится.

На прокладке шоссе работают специальные дорожные машины, которые трамбуют дорогу.

Нужно покрыть весь СССР сетью хороших шоссейных дорог, тогда можно будет широко развить автомобилизацию.

г. Харьков Деткор Сергей **ПРОНЕНКО**

ГОВОРЯЩИЙ ПАРОВОЗ

Летом, в этом году, в Саратове была выставка детского труда и творчества. Много интересного было на этой выставке, но около одной вещи все останавливались,—это была модель обыкновенного паровоза. Так казалось на первый взгляд. Но на самом деле это была не обыкновенная модель, а говорящая! Это был радиоприемник, построенный в виде паровоза! Котел составляла катушка самоиндукции, а рычажок для настройки был устроен там, где полагается быть регулятору (рычаг, при помощи которого регулируют пуск пара в цилиндры на паровозе).

Много я видел паровозов, но такого не видел никогда!

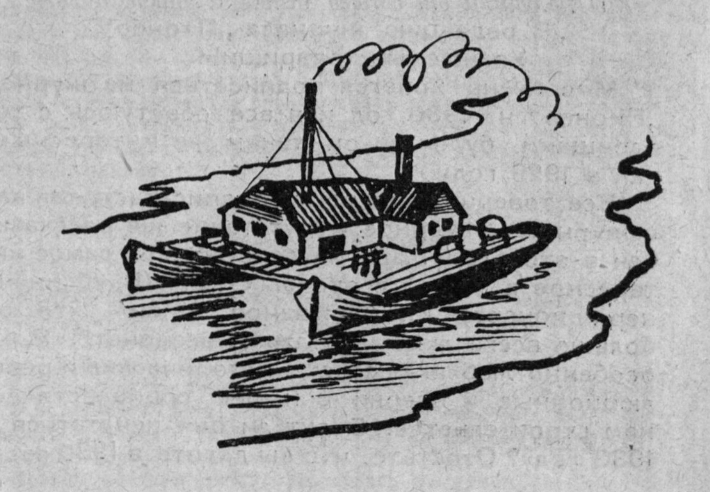
г. Саратов Деткор Сергей **ПУТИНИН**

„ПЛОВУЧИЙ ЗАВОД"

Не очень-то удобно было на заводах в Кзыл-Орде, а заводы эти обрабатывают кендырь,—это вроде конопли. И вот, чтобы не строить много заводов там, где растет этот самый кендырь, рабочие придумали сделать пловучий завод. Этот завод стоит на двух больших лодках, на лодках устроен пол и на этом полу установлены машины. Завод этот будет плавать по Сыр-Дарье, обрабатывая в совхозах кендырь. Завод, как завод, только очень маленький,—но это ничего: скоро будут строить такой же завод много больше.

г. Кзыл-Орда Деткор **„ОТРЯД"**

ЗАГАДОЧНОЕ СЛОВО

ЧТО ГОВОРИТ ЭТА ДЕВОЧКА?

РАЗГАДКА И СПИСОК ОТГАДАВШИХ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ В „ПИОНЕРЕ“ В 1930 ГОДУ.

ПИСЬМО БЕЗ ПОДПИСИ

Мы получили от одного деткора такое письмо:

„В редакцию журнала „Пионер“

Уважаемые товарищи!

Мне очень хочется подписаться на журнал „Пионер“ на 1930 год и я все советуюсь с товарищами, будет ли он таким же интересным, как в 1929 году.

Все товарищи советуют подписаться, так как в журнале, наверное, будут такие же рассказы, как в этом году. Другие говорят, что самое интересное в журнале это был КИП (Клуб инженера-пионера). Костя Иванов заявил, что он больше всего любит читать „Звездочет“. Я же особенно люблю рассказы исторические и революционные и очерки о нашем социалистическом строительстве. Будут ли они печататься в 1930 году? Ответьте, что вы дадите в 1930 году.

ОТ РЕДАКЦИИ

Деткор, приславший нам это письмо, забыл сообщить свою фамилию и имя, пионер он или нет, в какой группе учится, чем занимаются его родители. Если бы он нам все это сообщил, мы бы хорошо знали, кто он, и нам было бы легко поговорить с ним подробно.

Поэтому, ребята, если вы будете нам писать, давайте все сведения о себе.

Напишите нам подробнее, какие рассказы и статьи за 1929 год вам больше всего понравились, какие не понравились (автор и название) и почему. Тогда нам легче будет подбирать материал для журнала в 1930 году: мы будем знать, чего держаться.

Ждем ваших писем, только, чур, не забывайте давать о себе сведения, которые мы просим.

СУД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

(ДЕТКОРЫ О ЖУРНАЛЕ)

В № 127 «Пионерской Правды» от 19 октября был помещен обвинительный акт журналу «Пионер». Редакция ежедневно получает письма от своих читателей, в которых они высказываются по обвинительному акту «Пионерской Правды».

Ниже мы помещаем несколько таких писем.

Нечего обвинять зря!

Дорогая редакция!

Получив № 21 «Пионера», я увидел обвинения суда. Не знаю—или я ничего не смыслю, или члены суда не читали журнала «Пионер» за весь текущий год. Они ставят обвинения, которые всякий пионер, читающий «Пионер», может опровергнуть.

Я не заступаюсь за журнал и не хочу расхваливать его, но и нечего зря обвинять его.

Возьмем обвинения суда: вы обвиняете журнал в том, что он не дал читателям понятия о пятилетке. А известно ли вам, что в номерах 13, 15, 16, 18, 19, 20 есть очерки о пятилетке? Я думаю, что этого достаточно. 6 очерков—это вам мало? Может быть, кому-нибудь мало, а я все понял и могу смело сказать, что лишь журнал дал мне это понимание.

Возьмем нашу дискуссию «Кем я хочу быть». Если одна пионерка высказалась за профессию киноактрисы, если она отшатнулась от нас и хочет сделаться миллионершей, то мы, пионеры, жестоко ее покритиковали, и я думаю, что если у другого пионера возникнут такие мысли, то он их сразу отгонит.

Суд ставит нелепое обвинение в том, что журнал относится и приучает относиться пренебрежительно к детям других наций. Это ложь! Журнал, наоборот, говорил об интернациональной спайке, и никогда не было, чтобы была статья, которая бы учила плохо обращаться с ребятами других наций. А если бы это было, то, я думаю, правительство нашей Советской страны давно бы закрыло журнал как разлагающий пионерские ряды.

Суд говорит, что от Кузьки мухи дохнут. Ну нет! может быть от смеха, когда мухи прочитали о Кузькиных похождениях, они и сдохли, но ничуть не от скуки. Все пионеры очень уважают Кузьку. Если мухи не уважают его, то это не вина журнала.

Журнал хорош, нечего и говорить, но все-таки есть недостатки. Суд правильно подметил, что не было ни одного номера на тему о соцсоревновании. Была лишь одна заметка, и этим все кончено.

Кроме этого не выходило ни одного номера журнала, состоящего только из заметок ребят. Такой номер нужен для того, чтобы показать, что пионеры могут писать сами, и я думаю, что редакция выпустит 24-й номер «Пионера», где будут заметки ребят.

г. Кзыл-Орда — С пионерприветом БЛИНОВ

„Пионер" помогает работать

Дорогие товарищи редакторы!

В № 21 «Пионера» я прочитала обвинительный акт, предъявляемый журналу «Пионер». Хочу высказать свое мнение. По-моему, журнал «Пионер» очень хороший журнал и может быть полезен не только детям, но и взрослым. Не всякая полезная книжка может быть интересна, а журнал «Пионер» очень интересный. От Кузьки, думаю, не станут дохнуть мухи. Не все же время читать серьезное! И к тому же Кузька очень интересный и умный паренек.

«Пионер» знакомит с окружающей нас средой, строящейся новой жизнью, помогает учиться и работать, делать работу интересной, чтобы привлекать неорганизованных ребят к нашей работе.

Чтобы журнал был совсем интересный, надо в нем помещать интересные повести, например, М. Горького, Неверова, Пушкина, так как я думаю, что не все и не всюду ребята могут читать великих писателей.

Вообще пишите больше и своих рассказов, только, конечно, весь журнал нельзя заполнять рассказами.

г. Курск — Пионерка Л. ЯНПОЛЬСКАЯ

„Пионер" о слете

Мне очень понравился номер «Пионера», посвященный слету. «Пионер» «разразился» 24 страницами фотографий,—так говорит «Пионерская Правда». «Разразился», но «разразился» он хорошо. Все понятно. Все видно из фотографий. Прочитав и просмотрев фотографии, я получил полное понятие о Всесоюзном слете. По-моему, лучше иметь перед глазами фотографии узбекистанского пионера, чем его описание. «Пионерская Правда» во многом неправа.

«Пионерская Правда» неправильно говорит, что по вопросу «Кем я хочу быть» большинство ребят и девчат высказалось за профессию кино-актера. Из сотен писем, присланных со всего нашего Союза, только несколько сочувственных советов прислано Шуре. «Самое главное из искусств, по-моему, кино»—так сказал наш учитель Ленин. Я приветствую будущих киноактеров. Ведь, кино является хорошим проводником культуры в деревню.

г. Лебедянь — В. ЗАЙЦЕВ

Посылаю мамино письмо

Редакция!

Это письмо моей мамы и пожелания «Пионеру».

С приветом деткор № 592 ПАПКОВИЧ

Горячий привет „Пионеру"

Я учительница белорусской Антоновской школы, хорошо знакома с «Пионером», так как на мои деньги его выписывает мой сын. Когда приходит «Пионер», мы все охотно его читаем. В «Пионере» есть много интересных вещей, которые я впервые нашла в журнале «Пионер». Для моих детей журнал служит и справочником и литературной книгой. Мне, как учительнице и хозяйке, журнал дает многое, и за такого хорошего товарища мне и детям я шлю «Пионеру» горячий привет.

М. Ушач — А. ПАПКОВИЧ

Измените рисунки

Недавно я собрал ребят из своей школы, чтобы обсудить, нравится им журнал «Пионер» или нет. Журнал им в общем нравится. Володя М. очень хвалил рассказы. Особенно ребятам нравились статьи о пятилетке.

Ребята указали также и на недостатки. Они все говорили, что в журнале очень плохие рисунки. Рисунки надо обязательно изменить, печатать в красках или же по-другому. Рисунки журнал не должны портить.

Поздно вечером ребята разошлись по домам.

г. Суздаль — Деткор «ПРОНЫРА»

Цена 20 коп.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“ ЗА 1929 ГОД

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во «Молодая Гвардия», редакция журн. «Пионер».

Москва. Главлит А 54096. Изд. № 3909. „Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9. 31000 экз